

Роль медресе «Галия» в общественно-культурной жизни народов России и отражение этой темы в творчестве Шайхзады Бабича

Г. С. Кунафин

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: kbl2000@mail.ru

В статье на основе многочисленных фактических материалов исследуется процесс активного развития системы национального образования в Башкортостане в начале XX века, в период активизации джадидистического движения, просветительских и революционно-демократических идей в обществе, раскрывается роль медресе «Галия» в культурной жизни мусульманских народов Башкортостана и России, освещаются особенности отражения этой темы в творчестве видного башкирского поэта Ш. Бабича, ратовавшего в своих стихотворениях за настоящую высокую культуру и литературу, за новшества, способствующие духовному развитию тюркоязычных народов России.

Ключевые слова: джадидистское движение, медресе «Галия», культура народов России, творчество Ш. Бабича, «эзоповская» форма.

В начале XX века в Башкортостане заметные изменения произошли в системе национального образования [2, с. 172–184; 3, с. 329–332; 4, с. 313–319; 5, с. 180–186; 11, с. 313–319]. Это прежде всего было связано с деятельностью джадидистов, выступавших за реформу схоластических мусульманских учебных заведений. Как писал известный этнограф и фольклорист С. Г. Рыбаков, уже в конце XIX века во всех башкирских деревнях имелись мечети, а, следовательно, медресе и мектебы (начальные школы). «Эти медресе и мектебе, – писал тогда же М. В. Лоссиевский, – рассеяны повсюду, где есть башкирское или татарское население; редкая деревня не имеет своей мечети, а где мечеть, значит – там есть мулла, там и мектебе и медресе» [9, с. 13]. В 1916 г. в Уфимской губернии насчитывалось 1579, в Оренбургской – 436 мектебов. В них обучалось около 91 тыс. учащихся, в т.ч. более 18 тыс. девочек [10, с. 11]. В это время 22% мектебов Уфимской губернии были новометодными. Накануне Октябрьской революции 53% мектебов и медресе Башкортостана работали по-новому, т.е. по-джадидистски. В этом отношении наибольшей популярностью среди мусульманских учебных заведений пользовались медресе «Гусмания» (1887) и «Галия» (1906) в Уфе, «Хусаиния» (1891) в Оренбурге и «Расулия» (1884) в Троицке.

Особенно большой след в культурной жизни мусульманских народов Башкортостана и России оставило медресе «Галия» (араб. «гали» – высшее). Оно было открыто по ини-

циативе З. Камалетдинова на средства, пожертвованные населением, прежде всего башкирами. В нем обучались в основном башкирские и татарские дети. Среди шакирдов были и дети казахов, киргизов, узбеков, туркменов, азербайджанцев, черкесов, крымских татар. На учебу принимали с 15 лет на основе экзамена тех, кто имел начальное образование. Обучение было шестилетним. Медресе выпускало национальные кадры – учителей, работников культурно-просветительских учреждений, издателей. Оно занималось и подготовкой деятелей мусульманской религии. Преподавание в медресе истории, философии, основ ислама, восточных языков было на уровне высших учебных заведений. Шакирды получали добротные знания по алгебре, геометрии, физике, химии, географии, истории, психологии, педагогике, родному и русскому языкам. Они занимались в хорошо оборудованных кабинетах. В медресе часто проводились литературные вечера, открытые лекции, диспуты, издавались рукописные журналы. С момента его открытия сюда начала стекаться молодежь из всех мусульманских регионов России, а также шакирды других медресе. Только за первые 10 лет существования (1906–1916) медресе «Галия» окончили около 1000 человек, из них муллами стали немногим более 100. Многие стали видными деятелями национальной культуры и науки. Из стен медресе вышли 17 башкирских и татарских писателей, поэтов и журналистов. Среди них – выдающиеся башкирские писатели и поэты М. Гафури, Ш. Бабич, С. Кудаш, Х. Габитов, Б. Ишемгулов, татарские литераторы Г. Ибрагимов, Н. Исанбат, З. Ермеки, Х. Туфан и др. В этом учебном заведении получили образование крупные государственные деятели Карим Хакимов, Карим Идельгужин. С этим медресе связаны также имена деятелей культуры и литературы казахского (Б. Майлин, Н. Манаев, Ж. Тилепбергенов и др.), узбекского (Б. Салиев, М. Ширмухаметов), киргизского (И. Аралбаев), адыгейского (Т. Керашев, А. Хатков) и других народов [5, с. 183; 7, с. 134–135].

Преподавателями в медресе «Галия» работали выпускники различных высших учебных заведений, настоящие мастера своего дела. Большим уважением среди шакирдов пользовались Н. Абдюшев, Ф. Сайфи-Казанлы, З. Кадыри, Г. Терегулов, первая женщина-преподаватель в медресе, историк и теоретик педагогики Ф. Давлеткильдеева. Кумирами молодежи были преподаватель татарского языка и литературы Г. Ибрагимов, специалист по истории тюркских народов А.-З. Валиди [7, с. 135].

Первым в башкирской литературе прогрессивную роль медресе «Галия» показывает видный поэт-борец, поэт-сатирик Ш. Бабич, который «в своих стихотворениях ратовал за настоящую, высокую культуру и литературу, за новшества, способствующие духовному развитию народа» [8, с.121], улучшению морально-этического климата, устранению недостатков и несправедливостей в обществе («Слово старого муллы» – 1913, «Некоторые наши студенты» – 1914, «Жалоба одного пьяницы»- 1915, «Наш мужик» – 1915, «Однажды» – 1915, «Поняла» – 1916, «Эй, мулла-абзый» – 1917 и др.).

Для художественного отражения своих мыслей о медресе “Галия” Ш. Бабич использовал аллегорическую, “эзоповскую” форму. Вообще, он внес значительную лепту и в развитие жанра басни в башкирской поэзии. Особой оригинальностью отличаются его басни “Коза и свинья” (1911), “Совесть и Амбиция” (1912), “Летучая мышь” (1914), “Одна побасенка” (1916)¹, “Наподобие басни” (1917) и др. [1, с. 31–32, 35, 58, 91–94]. Возьмем, к примеру, басню “Коза и Свинья”. Ее главный герой Коза стремится объяснить Свинье, что в небе днем сияет солнце, а ночью мерцают звезды. В ответ на это Свинья говорит: “Все это обман, мои деды не говорили мне ни о каких звездах и солнце. Сам я тоже ни разу не видел их, хотя день и ночь роюсь в земле, копошусь в навозе”. И когда мудрая Коза, поглаживая реденькую бороду, задумчиво сказала ей: “Да откуда же тебе знать о солнце, если ты неспособна даже посмотреть на небо”, Свинья так разошлась, стала обвинять Козу в безбожии, измене исламу, в издевательстве над ее предками. Но Коза спокойно слушала беспочвенные обвинения и ругань Свиньи и, не проронив ни слова, оставила ее одну. Тогда Свинья с радостным возгласом “Я победила проклятую Козу!” – побежала к своим друзьям, чтобы хвастаться перед ними. Произведение завершается без традиционной для жанра басни моральной сентенции. Она логически вытекает из текста и тесно связана с башкирскими народными изречениями “Невежда – все равно что слепец”, “Глупый скажет: “Моя взяла”, умный скажет: “Я уступил”.

В басне «с необычайной точностью отражена духовная атмосфера, порожденная национальным укладом башкирской жизни начала XX века. Это видно в самом взгляде на окружающие явления и в логике речей и поступков персонажей басни, стоящих на совершенно противоположных идейных позициях, в их портрете и манере держать себя. С типичными характерами «действующих лиц», с индивидуальной характеристикой их речи, с развитым диалогом произведение во многом напоминает драматическую сценку комедийного характера. В нем в образе Козы легко узнается умный, начитанный башкирский интеллигент-мусульманин, ориентирующийся в своей деятельности на прогрессивные в то время джадидистские идеи. Что же касается образа Свиньи, то под ним уже подразумеваются вечно недовольные жизнью, “хрюкающие” против любых новых мыслей, нововведений и открытий невежественные, незадачливые мусульмане-кадимисты. Они ясно чувствуют, что земля постепенно уходит из-под их ног, и поэтому, не зная что делать, начинают суетиться, проклинать всех стремящихся к прогрессу, цепко держаться за старое, “копошиться” в прошлом и с пеной у рта доказывать “правильность” своих мыслей, обильно используя при этом религиозные термины, арабизмы и фарсизмы. Все это придает басенному повествованию специфически мусульманский «дух» [8, с. 51, 131–132].

¹ В переводе Г. Шафикова это произведение называется «Аллегорические стихи» // Ш. Бабич. Весенняя песнь. Поэзия. Проза. – Уфа, 1995. – С. 91 – 94.

Некоторые басни Ш. Бабича трудно считать чисто басенными произведениями с ярко выраженными формообразующими и другими признаками жанра. По сути, они являются произведениями басенного характера, возникшими на стыке малых сатирических жанров. Пассивное действие и саморазоблачение "героев" и, наоборот, активное присутствие в изображаемых событиях лирического "я", острота сатирического укола, злободневность, введение в условную "басенную" ситуацию конкретных фактов, реально существующих вещей и явлений, штрихов описания природы, конкретность адресата, подробное изображение бытовых сцен или деталей сближает их с сатирическими стихами и стихотворными фельетонами. Наверное, учитывая такую достоверность, "документальность" своих произведений, их несоответствие жесткой жанровой форме басни, Ш. Бабич называет их просто "Наподобие басни" ("Тәмсил киҫәге") или "Одна побасенка". Так, его довольно большое произведение «Одна побасенка» (1916), посвященное десятилетнему юбилею медресе "Галия", приближается в некотором смысле к стихотворному фельетону с басенными элементами, где "героем" выступает Пчела. В один прекрасный день из-за нехватки знаний не сумев собрать мед "в голой и болотистой стране", в поисках нектара она улетает в другие края. Спустя несколько лет Пчела возвращается в родные места и, собрав в рой своих "голодных сородичей", начинает "капать меду в их рты". Ее старания не пропадают даром: "в болотистой стране", наконец, появляются "цветущий сад" и "мощный улей", из которого каждый год вылетают пчелы, накопившие "силу и знания", и создают новую семью. Все это очень не нравится всякого рода осам, слепням и даже Корова и Быку, считавшим себя хозяевами жизни. Однажды увидев, что на цветок одна за другой сели Пчела и Бабочка, Корова с яростью промычала: "Как можно мириться с таким безобразием! Ведь любовью занимаются среди бела дня..." Вторит ей Бык: "Да, да... Стоял я у улья, а внутри страшный шум-гам. Там же живут одни гуляки, сбившиеся совсем с праведного пути". В это время подходит к ним Свинья и говорит: "Эх, вы, горе-хозяева! Ведь сад ваш совсем загублен. Гляньте, кругом зелень и расцветают цветы... Если дела и дальше так пойдут, то можно со стыда умереть". После таких слов разъяренные "хозяева жизни", разгромив и растоптав вокруг все, покидают сад. Однако Пчела и ее сородичи продолжают трудиться день и ночь, защищаясь при необходимости своими жалами от Быка и Коровы, и достойно встречают десятилетие родного "гнезда".

Произведение Ш. Бабича по-своему "автобиографично, имеет документальную основу. Подтекст басенной аллегории отсылает нас к вполне определенным фактам башкирской действительности того времени. Нетрудно догадаться, что образ Улья олицетворяет медресе "Галия", выпускающее за сравнительно короткое время из своих стен сотни прогрессивно настроенных деятелей культуры, науки и литературы для обширного Урало-Поволжского региона. Остальные персонажи тоже не являются только условными аллегориями. В собирательном образе Пчелы легко можно узнать самого поэта и его товарищей по перу (например, М. Гафури, Г. Ибрагимова, С. Кудаша и др.),

вообще, молодых представителей башкирской и татарской творческой интеллигенции, уезжавших часто в поисках счастья и знаний в разные места России, жаждущих получить светское образование, творить и честно служить своему народу и способствовать его духовному возрождению” [6, с. 704–705; 8, с. 133–134]. К сожалению, их стремление к свету и прогрессу встречает яростное сопротивление со стороны быков, коров и свиней – консервативно настроенных, самодовольных, чванливых и бесчеловечных представителей национальной буржуазии и духовенства. В произведении раскрывается интересная грань поэта-сатирика. Он значительно расширяет жанровые возможности басни и существенно преобразует характер повествования. Явно бросается в глаза остро критическое отношение автора к описываемым негативным явлениям в духовной жизни Башкортостана. Прежде всего, критическая острота заявляет себя особым характером комизма произведения. Одураченные Свиньей самодовольные Бык и Корова сами по себе комичны. А при описании их встречи со Свиньей стиль Ш. Бабича максимально приближается к ироническому строю народных изречений. В сюжете и стиле его произведения в ироническом аспекте реализуется поговорка “Услужливый дурак опаснее врага”. В то же время в нем сложная, драматичная судьба Пчелы и ее сородичей раскрывается в позитивном, утвердительном аспекте, в аспекте героики. Такое взаимопроникновение комического и драматического, причудливое сочетание сатиры и лирики, иронии и героики в рамках даже жесткой жанровой формы, какой являлась во все времена басня – это своеобразный результат поисков путей обновления “воспитательного” жанра, приспособления его к условиям острой социально-политической, духовно-культурной борьбы и, разумеется, воздействия на него общих закономерностей литературного процесса начала XX века.

Произведения басенного типа Ш. Бабича, как и отдельные басни социально-политического характера М. Гафури, С. Якшыгулова и других, ясно показывают, что в начале XX века басенный жанр в башкирской поэзии раздвигал свои рамки за счет обогащения элементами и приемами стихотворного фельетона, сатирического стихотворения, эпиграммы, пародии и памфлета. Это обеспечивало достаточную гибкость и разнообразие его образов, но не вело к самоликвидации жанра басни. Наоборот, этот процесс дал сильный толчок развитию аллегорического и других малых сатирических жанров в башкирской поэзии.

Литература

1. Бабич Ш. Весенняя песнь. Поэзия. Проза. – Уфа: Китап, 1995. – 304с.
2. История Уфы. Краткий очерк. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1981. – 604с.
3. История Башкортостана. Часть I. С древнейших времен до 1917г. – Уфа: БашГУ, 1991. – 348с.
4. История башкирского народа. В 7-и томах. Т.5. – Уфа: Филем, 2010. – 468с.

5. Кунафин Г. С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX века. – Уфа: Китап, 2006. – 280 с.
6. Кунафин Г.С. XIX – XXбыуат башы башкорт Һәбиәтенең үсеш үзенсәлектәре. – Өфө: БР полиграфкомбинаты, 2014. – 740 бит.
7. Кунафин Г. С. История культуры Башкортостана. – Уфа: Китап, РИЦ БашГУ, 2016. – 208 с.
8. Кунафин Г. С. Шәйхзада Бабичтың ижад офоктары – Творческие горизонты Шайхзады Бабича. – Өфө: Китап, 2015. – 288 бит (на башк. и рус. языках).
9. Лоссиевский М. В. Кое-что о Башкирии и башкирах. – Уфа, 1903.
10. Мектебы уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской управы 1912–1913 года. – Уфа, 1915.
11. Фархшатов М. Н. Просвещение в 1900–1917 гг. // История башкирского народа. В 7 томах. Т.5. – Уфа: Гилем, 2010.

Статья рекомендована к печати деканом факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета (д. филол. н., проф. Ахмадиев Р. Б.)

The role of madrasah “Gallia” in public and cultural life of the nation of Russia and reflection of this theme in Shaykhzada Babich’s creativity

G. S. Kunafin

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: kbl2000@mail.ru

The process of active development of system of national education in Bashkortostan at the beginning of the XX century is analyzed in article on the basis of numerous actual materials, during activization of the dzhadidistic movement, the educational and revolutionary-democratic ideas in society is investigated, the role of madrasah “Gallia” in cultural life of the Muslim people of Bashkortostan and Russia reveals, features are covered of reflection of this theme in works of the prominent Bashkir poet Sh. Babich who was standing up in the poems for the true high culture and literature, for the innovations contributing to the spiritual development of the Turkic-speaking nation of Russia.

Keywords: dzhadidistic movement, madrasah “Gallia”, culture of the nation of Russia, Sh. Babich’s creativity, “Aesopian” form.